

ДУХОВНЫЕ СТИХИ В ЗАПИСИ А. А. ШАХМАТОВА

Публикация и комментарии В. И. Ереминой

Выдающийся языковед, историк литературы и культуры конца XIX—начала XX в. А. А. Шахматов, не будучи по своим профессиональным интересам ни фольклористом, ни этнографом, сумел образцово записать крупнейшие для своего времени коллекции олонецких сказок, калужских песен и причитаний и подготовить одну из наиболее совершенных этнографических работ начала XX в. — «Мордовский этнографический сборник».

Летом 1884 г. студент первого курса А. Шахматов совершил свою первую экспедицию в Олонецкую губернию с целью изучения местных говоров. На выбор им именно Олонецкого края несомненно повлияли результаты поездки сюда известных собирателей 1860—1970-х гг. П. Н. Рыбникова,¹ А. Ф. Гильфердинга² и историка русского языка М. А. Колосова,³ давших помимо записей памятников народного творчества, захватывающих по новизне и интересу, еще и ценные для лингвиста сведения по диалектологии. М. А. Колосов записал в Олонецкой губернии сказки, свадебные и игровые песни и снабдил свои записи обзором фонетических особенностей, ударений, форм словообразования, синтаксиса.

Узкая цель поездки А. Шахматова заключалась в проверке своих выводов о судьбе букв «е» и «ять» в русском языке, но результаты ее оказались значительно шире.

Свою экспедицию в июле—августе 1884 г. А. Шахматов начал из Петрозаводска, затем он обследовал северо-запад Олонецкой гу-

¹ *Рыбников П.* Об особенностях олонецкого наречия // «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». СПб., 1867. Ч. IV. С. 275—299.

² *Гильфердинг А. Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины. СПб., 1873. С. VII—XLVIII.

³ *Колосов М. А.* Заметки о языке и народной поэзии в области северовеликорусского наречия // Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук (далее: ОЯС). СПб., 1977. Т. XVIII. С. 117—207.

бернии по берегу Онежского озера и через Кондопожскую волость Петрозаводского уезда, где он пробыл довольно долго, двинулся дальше на север в Повенецкий уезд.⁴ Он выбрал для экспедиции столь глухой район, так как надеялся «найти там обособленный от влияния городских наречий говор, в котором вместе с тем резко сказывались бы диалектологические особенности».⁵ Путевые заметки А. А. Шахматова отразили его строго научные интересы.⁶ В них совсем нет этнографических описаний, не нашли свое отражение и какие бы то ни было записи, связанные с его личными впечатлениями от увиденного. В экспедиционных заметках Шахматова собраны образцы народного говора (ААН. Ф. 134, оп. 1, ед. хр. 225, л. 1—121, 20 об.—21, 34), выписки из местного архива загадок, пословиц, суеверий и примет (Там же. Л. 13—14. Записи 1848 г.), толкований снов (Там же. Л. 17—18. Записи 1858 г.), выписки из Архангельских губернских ведомостей 1847 г., из Вологодского собрания 1885 г., Пинежского собрания 1850 г. (Архив РГО. I, 10, л. 49), из «Известий Архангельского общества изучения Русского Севера» (Там же. Л. 53—53 об.) и т. д.

Лингвистические наблюдения за местными говорами А. Шахматов отразил в отчете, прочитанном им на заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, которое проходило 3 октября 1884 г. в Политехническом музее. В своем докладе он отметил, что говор в Кондопожской волости Петрозаводского уезда не отличается чистотой, так как в нем заметно смешение наречий, а также сильное влияние петербургского говора. В Заонежье А. Шахматов имел возможность наблюдать «два говора, очень сильно отличающиеся один от другого».⁷ Первый говор был обнаружен им в Великогубской волости Петрозаводского уезда и Шуньгской Повенецкого и был назван Кижешуньским (или ляпающим). Второй говор, отмеченный в Толвуйской волости Петрозаводского уезда, получил название Толвуйского. «Нужно заметить», писал в своем отчете А. Шахматов, что «между этими двумя народностями — Кижешуньской и Толвуйской — лежит очень существенное различие, в особенности, если поставить это замечание {...} в связь с наблюдением покойного Гильфердинга относительно того, что кижские певцы „совершенно иначе поют былины, чем толвуйские“».⁸

Занимаясь диалектологией, исследователь неизбежно становится и этнографом, и фольклористом, так как диалектология сама по себе есть дисциплина вспомогательная, и частью она входит в языкознание, а частью в этнографию. «Это соприкосновение диалектологии и этнографии имело результатом то, что Алексей Александрович [Шахматов] посте-

⁴ Материалы экспедиции А. А. Шахматова см.: ААН. Ф. 134, оп. 1, № 80. См. также: *Шахматова-Каплан С.* Олонецкие фольклорные записи А. А. Шахматова // Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Петрозаводск, 1948. С. 11.

⁵ *Шахматов А. А.* Отчет об этнографической поездке в Олонецкую губернию // Тр. этнографического отдела ОЛЕАЭ. М., 1886. Т. 48. Вып. 1. Кн. 7. С. 53.

⁶ *Шахматов А. А.* Путевые заметки // ААН. Ф. 134, оп. 1. № 225.

⁷ *Шахматов А. А.* Отчет об этнографической экспедиции в Олонецкую губернию. С. 54.

⁸ Там же.

пенно становился и этнографом, не ставя, впрочем, этнографии своей ближайшей специальностью».⁹ В свою первую экспедицию А. Шахматов записал значительное количество фольклорного материала, причем в отношении точности фиксации звука записям Шахматова нет равных в русской фольклористике. М. К. Азадовский, оценивая качество записей А. Шахматова, писал: «Нужно признать, что безукоризненных записей памятников фольклора очень мало, — записи диалектологов бывали часто наименее удачными. Это потому, что они стремились, главным образом, уловить фонетические и морфологические особенности говора, вслушиваясь в „слова“, часто теряли из виду речь в целом, отсюда меньшее сравнительно внимание к целостному строю народной речи, к ее синтаксису. Записи Шахматова в этом отношении действительно безупречны, хотя чисто фольклористические проблемы в ту пору его менее интересовали».¹⁰

И тем не менее фольклористические результаты первой поездки А. Шахматова в Олонецкий край оказались очень значительными: он записал 71 сказку, 10 былин, большое количество свадебных песен и причитаний, 30 загадок и 2 духовных стиха, которые впервые публикуются ниже.

Духовные стихи А. А. Шахматов записал в Кондопожской волости в деревне Верхне-Заднее, расположенной в пяти километрах от села Кондопога от одной из лучших сказительниц этого района Степаниды Юплиновны Тараевой (ААН. Ф. 134, оп. 1, л. 4, с. 2—8; л. 4, с. 4, столб 2; л. 5, с. 1). От С. Ю. Тараевой помимо духовных стихов А. А. Шахматов записал сказки, былины и свадебные причитания.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

1. О Егории Храбром и Елисафии

- Перевој горѡд-помѡр горѡд,
Дру́гой го́род-ца́рьсво Рахлы́нское.
Как помѡр — город он сквозь землю шоў,
Херувѡм — горѡд он огнѡм пошоў.
- 5 На тоѡ ца́рьсво Рахлы́нское
Напу́щаў Госпо́дь змеѡ лютоў.
Она начала ходить по го́роду,
Ема́ть (јима́ть) себи голову.
[Первуа] головушку себи ку́рячью,
- 10 А в дру́гих головушку скотѡ́нную.
Те́перь тых го́лов мало в ца́рьсвиѡ стави́тця,
А те́перь змеѡ да надо го́лова
А головушка целовеце́цка.
То́гда всё ли ца́рьсво сволно́ва́лося,

⁹ *Истрин В. И.* А.А. Шахматов как ученый // Изв. ОРЯС. 1920. Пг., 1922. Т. 25. С. 24.

¹⁰ *Азадовский М. К.* Предисловие // Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Петрозаводск. 1948. С. 7.

- 15 Весь наро́д в одно́ место съежжались,
Съежжались вси царю́-цари́ци,
Ай вси коро́бли, корале́вици.
Приежжял к ним в думу
Тут Огапит-царь.
- 20 И ёны думу́ думали о го́ловах,
О голо́вушках о целовеце́ьских.
Ай совет дали да кидать же́ребей,
Кидать же́ребье́ да о голо́вах,
Что кому́ итти́ да ко синю́ морю,
- 25 Ко лютой зме́й на съедёнье,
Ко проклятой зме́й на прожрэ́ние.
[Тогда] а пошоу́ домой да е Ога́пит-царь,
Как стречала ёго да молодá женá,
Мо́лода царица госуда́рыни,
- 30 Она здрасвова́ла своему́ мужу́:
«Ох, что здравсвуй, му́ж мой Ога́пит-царь,
А ты что же царь идёшь кручиноват,
Ты кручиновя́т да царь печаловя́т,
К не собаки ль ты да приоблаили,
- 35 И не добры́ люди ты приогба́или,
Аль ты обчесьтво, да царь, обидило,
Аль в кумпаньи тибя приубняли».
А тут есть спорече́ит Огапит-царь:
«Ай же, мо́лода царица-госуда́рыни,
- 40 Не собаки меня приобла́ели,
Не добры люди меня огба́или,
Ме́ня обчество не обидило,
Ме́ня в кумпаньи царя не обнесли,
А тут сове́товали кидать жеребе́й,
- 45 Кидать жеребе́й о голо́вушках целовецеских.
Выпадал тут жеребеи на царьский двор,
Да на царьский двор, да на меня́ царя,
На меня́ царя да на Ога́питá».
Как спроговори́т мо́лода жо́на,
- 50 Мо́лода царица-госуда́рыни:
«И не кручинися царь и не печалу́йся,
У нас есть-то до́чи да еди́ная,
До́чь еди́ная, дитё́ любимо́е,
Мо́лода ли Адиса́фия Агапевна;
- 55 Она не нашу веру она верует,
А не нашим Бо́гам ёна молитця.
Она веру верует хресья́нскую,
Ёна Богу молитця роспя́тому,
А мы ю даим да ко люто́й зме́й,
- 60 К люто́й зме́й даим на съедение́,
Ко проклятой даим на прожрэ́ние.
Ты по́ди-тко, царь, да к сво́ей дочери,
А во све́тлу по́ди све́тлицу
А во нову по́ди к ней во горницю,
- 65 Ты е хрёс по́ложи по-писа́ному,
Ты поклон ве́ди да по-уче́ному,
А на́ вси четы́ре да на сто́роны́.

- Ты е здравствуй своей милой дочері. —
«Уж ты здравствуй, моя дочь премилаа,
70 Молода Алисафия Агапевна.
Я тиби, дочі, нынь радóсть скаж́у,
Я те радость скáжу, дочь, вели́кую,
Что с той стóронушки да с Земли Руськоёй,
Зёмли Руськоёй да при́ши сватовá.
75 А при́шли сватовá да дочку свáтати.
Я тебя, дочи, хоч́у зам́уж отдáти
А во тую Зёмлю во Руськую.
Там не нашим Бóгам ёны молотца,
Ёны Бóгу молотца роспáтому.
80 Ты ставáй-ко, молодá Лисафия,
Ты ставáй по утрышку ранешенькó,
Умывáйся, дóчи, ты белешенькó,
А снаряжайся, дочька, хорошóхонько,
А тибя, дочі, да тут смотреть будут».
85 Не дос́уг тогда былó Огапиту,
Не дос́уг ёму да тёмной ночки спать,
Ёму вряд ли былó добрых коней искать,
Добрых конюшков да неезженных,
А не ежденных да не дёкченых.
90 Он взыскал курётушку чóрнуú,
Курёту чорную да ету тёмную,
В туи курётушки да есть детинушка,
Детинушкá ла повáленой.
Прямо едёт он да к Алисафии,
95 Приеидял тут к неи да на белой двóр,
Тóгда вставáла молода Алисафия,
Умывáла личинько белоё,
Утирала лицько своё белоё,
Выходила óна тут на белый двор,
100 На белом двори да томный конь стоит,
У нёго гóлова да повишенá,
А тут стоит курётушка черная.
Подходила к курётушки девушкá,
Молода Алисафия Агапиевнá,
105 Говорила рíчи ёна томны:
«Ай же, молодóй ты дитинушка,
Ты дитинушка да е повáленой,
Подожди меня да ты минутой час,
Погоди девица снарядитися,
110 Я не смёню, бедна, слова родительска,
Я пойду беднá ко синю морю,
А к лютой змеи да на оседениё,
Ко проклятой на прожрениё».
Тогда мóлóдá Олисафия
115 Цветно платьицё роздеваласи,
А в чорно платьицё снаряжаласи,
А тут бралá в руки книгу евангельсќу,
Тут бралá три йконы Божиих,
[Три иконы Божиих]:
120 Первую икóну самому Христу,

- Другую икону причистой Богородици,
 Третью икону Ёгорию Храброму.
 А ёна Господу помолиласи,
 К мать-земли ёна да поклониласи,
 125 [На покло] (а во двор ёна тут есть пошла),
 А с покою ёна да во двор пошла,
 Приходила она к лошадке томнёй,

 Ко куретушки да ко черноёй.
 Ёна с батюшкóмы попротиласи,
 130 В резвы ноженьки паклониласи.
 А только видли девушку в курету сядучись,
 А не видли девушки поедучись,
 Привезиу дитинка да поваленой,
 Привезиу тут ён ю ко синю морю.
 135 Становиу к кусту ко ракитову.
 Тут прощаласи, благословляласи
 С молодым детинушкой поваленим:
 «Ты прости меня, доброй молодёць,
 А на веки мене нерушимую».
 140 Тогда молода да Алисафия,
 Тогда брала иконы она Божия,
 Приставляла к кустышку ракитову,
 Ёна стала просить да Господá,
 Самого Христа пря небесного,
 145 Во в других просить пречисту Богородицю,
 В третьих просить Ёгория Храблго.
 Стала читать книгу да Евангеля.
 Прóлила слезы да с глаз горячии.
 А как зглянула ёна во в чисто полё,
 150 Во в чисто полё, во синё морё,
 А во чистом поли да ажно конь бежит,
 На добром кони доброй молодёць,
 Доброй молодёць и ён усажёнй,
 Прямо едет ён да ко кусту ракитову,
 155 И прямо едет он да к Алисафии,
 К Алисафии к Агапиевной.
 Он тут скрыкнул тогда жалким голосом:
 «Ай же молодá Алиса́фия,
 Алисафия ты Агапиевна,
 160 Ты держи у меня да добра коня,
 Ты возьми в руки да шолков повод,
 Ты свежи коня да к кусту ракитову,
 Поищи же ты да Алисафия,
 Поищи же у мня буйной головы,
 165 Уж я так, молодёць, отдохнуть хочю,
 Ты головушкó у мня поискивай
 И на синё морё ты поглядывай,
 А как сколыбнется да синё морюшко,
 Как расходитца страшная волна,
 170 Тут покажется да змея лютáя,
 Ты тогда меня да со снó буди».
 Стала молода да Алисафия,

- Стáла головушку јискать у нёго.
 Как зглянула ёна на синё морё,
 175 Синё морюшко скалыбалося,
 Страшнаа волна да росходилася,
 А змёя лютая да оказалосья.
 Тут плувёт змея ухвиляетця.
 И я теперь, змея, да выдь сыта будú,
 180 И есть дви головы мни чоловецёцких,
 [Еще дви] третья голова да лошадиная.
 Тут расплакалась Алисафия,
 Пролила с очей горючй слезы,
 У ней слёзыньки призакапали
 185 К добру молодцю на бело лицё.
 Тут доброй мóлодець он со сну скочиў,
 [Доброй молодець он со сну скочиў],
 Он скакал на своёго добрó коня,
 Ён-то в ручку брал жозло востроё,
 190 Ён тут стал да е по полно разъеждивать,
 Разъеждивать да разгуливать,
 Уж ён стал змею ён ту меать-топтать,
 Меать-топтать и жозлом колоты,
 И ён жозлóm колоў да приговариваў:
 195 «А уж ты быдь, змея, ты кротка, смирна,
 И [уж] ты кротка, смирьна, как скотиника».
 Тут как рыкнул добренькой да молодець:
 «Ай же, молода да Алисафия,
 Алисафия Агапиевна!
 200 Ты возьми-тко свой да шолков пояс,
 Ты свяжи змею на шелков пояс,
 Ты веди змею в царьство Рахлынское,
 Ты веди змею к своему отцю,
 К своему вотцю веди на белый двор».
 205 Тóгда молодá Алисафия
 Подавала ёна как шолков пояс,
 А Егорию свет тугда Храбломú
 Подавала јёна свой шолков пояс.
 Ён связал змею на шолко пояс,
 210 Ён давал змею да Олисафии.
 Алисафия прослезиласй,
 Очи ясныя да помутилися,
 В белом личенькй кров измениласй.
 Ёна Ёгорию свету да скорýласй:
 215 Ёна в ноженьки поклониласй:
 «А Егорей свет и ты мой батюшкó,
 Как свёду змею в царьство Рохлынское,
 Мни куды ю класть к своёму вотцю».
 «Ты веди к отцю да на белый двор,
 220 Станови к стоўбу ко точному,
 А к околечку свяжи золоченому».
 «Дай-ко, батюшка, заповедь великую,
 Чтобы поверовали веру рускую,
 А чтобы строили церкви соборныи,
 225 А три церкви строили соборныя,

- А перву церковь е да самому Христу,
 Дру́гу церкву е пречистой Богородици,
 А третью церковь е Ёгорию Храблому,
 А угоднику ещё Божию,
 230 А помощнику да Алисафину́.
 А ты сведи змию спусти да во синё морё,
 Ты спусти змию на кру́ты бе́регá.
 А тут змия тогда да россыпалася,
 Прироссыплется на змиёныши,
 235 А по земли [бы] жёны да будут плавати».
- Тогда молодá да Олисафий
 А проводила змею в царство е Рахлыньскоје,
 Приводила к батюшку к белу́ двору́.
 Тут как крыкнула́ жалким голосом:
 240 «Ай же, батюшко мой Огапит-царь,
 И отвори́й-ко ты мни свой белый двор,
 Ты пусти змию да на белый двор,
 А во тоё царство да Рахлыньскоё.
 Я спущу змию когда на волюшку,
 245 А приест ёна вас да до единого,
 Не оставит вас ёна вас на си́менá».
- А тут спугался батюшко Огапит-царь,
 Возмолился дочери премилое:
 «Уж ты здравствуй, дочь моя любезная,
 250 Не губи меня, свёгёго отця́,
 Царя́ Огапита́, и мы поверуём да веру руськую,
 Дам я клятву ту да великую
 И я сострою церкви три соборных:
 Перву церьков е самому Христу,
 255 Другу церьков е пречистой Богородици,
 Третью церьков е Ёгорию Храблому,
 А угоднику ещё Божию,
 А помощнику да Алиса́фину».
- То́гда взяла мо́лода да Алисафий
 260 Ёна взяла змию за шолков пояс,
 Ёна свёла змию ко синю́ морю́,
 Ёна то́укала ю да в кру́тый бережок.
 «Ты россыплись-ко, змея лютая,
 На жолты песочки меленьки,
 265 А на маленьки да на змеёныши.
 Пу́щай по́ земли жёны плавают,
 А головушок пушай не трóгают.
 А во веки веков аминь,
 Алисафии славу поим».

2. О страшном суде

- Плачу́ я, рыдаю́, смеёратные час замышляю,
 Душа́ с телом росставалося.
 На страшен суд зготовляласи умерши,
 От гробов встанут, с небес сойдёт суда праведен,
 5 С небес сойдет Михайла Архангел.

- С престолом сойдет он со Господним,
На гóру сойдёт на Фараоньску,
Во вострубит он да в трубу злату.
Все земля опокетсется,
- 10 Солнышко к мисяцю таются
И звезды все на землю сподуть.
В другой раз вострубит в трубу злату:
«Ставайте-тко, умерши из гробов,
Которы вам праведные души,
- 15 Ставайте полком вы одную
Воротитесь лицами ко востоку —
Отвержены райски вам двери,
Сготовлена райская вам пища,
Ризы нетленны износилися».
- 20 Споречит Михайла Архангел:
«Ставайте вы, грешники и грешници,
Ставайте поўком вси о шую,
Ставайте под западовы лицьями,
Станьте к остоку вы хребтамы,
- 25 Сотвориў Господь вам вечну муку
Отныня вам мука до века.
Там будет вам река огнянная,
Будет люта смóла кипячоная,
Будет вам олово горячее».
- 30 Росплачются грешные души,
Припадут Михайлы на коленка:
«Ай же ты, Михайла, наш архангел,
Что ли ты нас в рай не спущаешь,
Небесного царьствия лишаешь».
- 35 «Ай же вы, грешенные души,
Вы сторожены от Адама и от Иеўвы,
Сосланы были на ту рудную землю
Ради вы душевного спасения.
Вы ведь брат е брата не любили,
- 40 Суседа суседом не нарекали,
Дитей жидовами называли,
Жида у Христа света проклятыё
Именем Господним».
- Тут воструб Михаил как архангел
- 45 В третий раз вострубит трубу злату
Горы и щелья распадутся,
От остока протечет река,
Прольёт река огнянна,
Пожрет река эта огнянна,
- 50 Пожрёт горы и каменя
Со скотищем, пожрет она со звёрямы,
Со всею нечистою тою силою.
Пожрёт рика ёще огнянна,
Грешников пожрёт рика огнянна.
- 55 Во веки веков аминь.
-

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. О Егории Храбром и Елисафии

В русской традиции известны два сюжета духовного стиха о Святом Георгии: мучения Егория и змееборческий о Егории и царевне (так называемые «большой» и «малый» стихи). Различные варианты стиха о Егории и царевне получили распространение преимущественно в районах Русского Севера, Поволжья, в Белоруссии, Смоленской области и среди русских старообрядцев Латгалии и Причудья. Публикуемый текст представляет собой полный вариант духовного стиха «О Егории Храбром и Елисафии (Олисафии)», получивший распространение в севернорусской традиции. Сюжет включает в себя 22 традиционно устойчивых мотива (подробный анализ всех известных вариантов «малого» стиха и схемы развития действия см.: *Хлыбова Т. В.* «Стихи о святом Георгии — Егории» (семантика, структура, тематическая детализация) и некоторые вопросы истории текста. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 1994). В письменной традиции стих «О Егории Храбром и Елисафии», как и большинство духовных стихов эпического плана, не получил широкого распространения и дошел до нас в рукописных сборниках духовных стихов в единичных списках.

Литература: *Веселовский А. А.* «Разыскания в области русских духовных стихов». СПб., 1880. Вып. 2; СПб., 1891. Вып. 6; *Киртичников А. И.* «Святой Георгий и Егорий Храбрый». Исследования литературной истории христианской легенды. СПб., 1879; *Рыстенко А. В.* Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славянорусской литературах. Одесса, 1909; *Соколов Б. М.* «Большой стих о Егории Храбром». М., 1995.

2. О страшном суде

Стихи эсхатологической направленности о конце света и о страшном суде получили широкое, повсеместное распространение, преимущественно в старообрядческой среде. Основа сюжета стиха «Плачу я, рыдаю...» — страшный суд и последующее за ним наказание грешников. По тематике и структуре (центральный эпизод стиха представляет собой диалог между Михаилом-архангелом и душами грешников). Стих «Плачу и рыдаю...» близок к известным духовным стихам о Михаиле-архангеле (см.: *Варенцов В.* «Сборник русских духовных стихов». СПб., 1860) и «Плачу я и ужасаю» (см.: *Бессонов П.* «Калики перехожие». М., 1863. Вып. V). Однако текст стиха оригинален и не является вариантом и компиляцией вышеуказанных текстов.

Многочисленные варианты стиха см.: Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. Н. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 2. Терский берег Белого моря // Тр. музыкально-этнографической комиссии. М., 1911. Т. 2.